

B 15809 U

I - 125

Космографъ
Нарано Руч

ca. 1800

НАЧАЛО РУСИ.

81

В 15809И.

9(47.71)

НАЧАЛО РУСИ.

Н. И. КОСТОМАРОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

=

1860.

110087

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, января 21 дня 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

70

НАЧАЛО РУСИ.

Iszbég, iszbégo
Iz Rusnês kémo
Du jaunu žvejtyteliu....

Rusnês kémelij,
Aug man žedelis
Ten rimst mano szirdele.

Литовская пѣсня.

Выбѣжали, выбѣжали двое молодыхъ плов-
цевъ изъ села Руси.... о, Русь село: тамъ
растетъ цвѣточекъ, туда мое сердце стре-
мится!

Наконецъ истекло тысячелѣтіе со времени изгнанія варяговъ за море, происшествія, съ котораго въ нашихъ лѣтописяхъ начинается непрерывный рассказъ о событіяхъ русской исторіи. Умѣвшіе выгнать соединенными силами чужеземцевъ, но неумѣвшіе управиться между собою, послѣ испытаннаго на себѣ чужеземнаго вліянія, славянскія и чудскія племена сѣверо-западной Россіи призвали къ себѣ снова иноплеменниковъ, но уже другихъ, и на иныхъ основаніяхъ. Послушаемъ нашу лѣтопись, единственный источникъ объ этомъ событіи.

«Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370 изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани, и начаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и вовевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя,

иже бы володѣлъ нами по праву. Идоша за море къ Варягомъ Руси: сице бо ся зваху тыи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмяне, Англяне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чудь, Словени и Кривичи и Вся: Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да пойдѣте княжить и володѣти нами. И избрашася Збратья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и придоша: старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третій Изборстѣ Труворѣ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля Ноугородци, ти суть людье Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни. По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворѣ, и прія власть Рюрикѣ, и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотскѣ, овому Ростовѣ, а другому Бѣло озеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первіи насельници въ Новѣ городѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикѣ» (1).

Прежде разсмотрѣнія самаго факта, слѣдуетъ стать на ту точку зрѣнія, на которой находился лѣтописецъ, чтобъ не приписывать ему того, о чемъ онъ не думалъ, и не выводитъ изъ сказаннаго имъ того, чего не слѣдуетъ.

Варяги есть составленное по славянски скандинавское слово *Vaeringiar*; а у скандинавовъ, это слово есть переводъ греческаго слова *φοιδερατοι* что значитъ союзники, или точнѣе, по смыслу, присяжные воины; этимъ именемъ назывались составленные изъ иноземцевъ наемныя дружины, служившія у римскихъ, потомъ у византійскихъ императоровъ. Съ XI вѣка, начали въ византійской имперіи появляться въ рядахъ этихъ служилыхъ иноземцевъ, скандинавы или норманны и перевели на свой языкъ греческое слово *φοιδερατοι* словомъ *Vaeringiar*. Оно въ скандинавскихъ былинахъ (сагахъ) появляется подъ 1040 г. по поводу разказа о пребываніи въ Греціи норвежскаго принца Гаральда Гардраде (2). Эти варяги проходили изъ своего отечества черезъ Россію водянымъ путемъ по Днѣпру и Двинѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ наши лѣтописи:

«Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекѣ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и вѣтечетъ въ озеро великое Нево, того озера внидеть устье въ море Варяжское и по тому морю иди до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ

(1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 8.

(2) *Haud diu in exercitu versatus erat Haraldus, cum Vaeringi si magno studio ad eum applicare coeperunt qui, quotiescunque praelia fiebant, omnes una se consociebant; unde factum est ut Haraldus omnium Vaeringorum praefectus fieret (Antiq. russes. I. 362.)*

Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса и потечеть на полдъне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощье и ввидеть въ море Варяжское, изъ того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечеть семьюдесять жерель въ море Хвалисьское. Тѣмже изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы, на вѣстокъ дойти въ жребій Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть въ Понетъское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святой Андрей братъ Петровъ ⁽³⁾.

Русскіе, ознакомившись съ жителями прибалтійскаго побережья, въ лицѣ проходившихъ чрезъ свои земли варяговъ, стали обращать это имя вообще на страны, откуда являлись къ нимъ эти проходимцы. Подъ варягами разумѣли не одинъ какой нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ, которое у русскихъ получило названіе Варяжскаго отъ служилыхъ иноземцевъ, проходившихъ черезъ земли русскихъ славянъ. Такъ какъ Балтійское море было главнѣйшимъ путемъ сообщенія съ западной Европой, въ особенности Новгорода и прилежащихъ къ нему сѣверо-русскихъ странъ, то скоро значеніе *варяжскаго* стало еще обширнѣе: римско-католическая вѣра, называлась варяжскою, католическая церковь носила названіе варяжской божницы и римско-католическаго священника звали варяжскій попъ ⁽⁴⁾. Широкое значеніе слова варягъ въ нашихъ лѣтописяхъ можетъ служить однимъ изъ доказательствъ того, что лѣтописи эти составились не ранѣе второй половины XI вѣка. Когда лѣтописецъ, рассказывая о событіяхъ IX вѣка, упоминаетъ о варягахъ, то значитъ, что онъ употребляетъ то названіе, какое существовало въ то время, когда онъ жилъ самъ, а не то, которое было въ тѣ времена, когда описываемыя имъ событія совершались. Въ договорахъ Олега и Игоря, заключенныхъ прежде и дошедшихъ къ лѣтописцу цѣликомъ, нѣтъ слова «варяги», да и быть его не могло, потому что люди, составлявшіе этотъ договоръ, не были варягами (*Vaeringiar*). Впослѣдствіи поморье варяжское не ограничивалось одними жилищами скандинавовъ; такъ и въ вольнской лѣтописи къ поморью варяжскому причисляются страны славянскія: напр. «Она бо бѣ рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія Варяжскаго» ⁽⁵⁾.

Слово варягъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ значило въ нѣкоторомъ смыслѣ тоже, что теперь слово нѣмецъ у простолюдиновъ, означающее вообще западнаго европейца, или черкесь въ смыслѣ жителя

⁽³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 3.

⁽⁴⁾ Новгор. лѣт. 1. 35.—Отвѣты Изяславу преп. Θεодосія

⁽⁵⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. 11. 227

кавказскихъ горъ, хотя подъ этимъ именемъ могутъ скриваться разноплеменные народы. Превращеніе, совершившееся у нашихъ предковъ со словомъ варяги, повторилось въ близкое намъ время еще разительнѣе со словомъ цесарцы. Такъ южно-руссы называли недавно еще ходившихъ у насъ австрійскихъ подданныхъ съ коробками, откуда продавались: гранаты, бусы, духи, гофманскія капли и приворотные корешки. Народъ не пускался въ изслѣдованія, какого происхожденія были люди съ коробками, въ курткахъ и коротенькихъ синихъ плащахъ; между ними были и венгерцы, и словенцы, и словаки, и русины... для южно-русса, они были всѣ цесарцы, и земля, откуда они приходили (или лучше сказать сторона, съ которой они появлялись), носила въ народѣ названіе цесарщины, не въ томъ однако смыслѣ, что она управляема какимъ то цесаремъ, а въ томъ, что оттуда выходили люди, называемые цесарцами. Такимъ образомъ съ одной стороны, еслибъ появился челоѣкъ съ коробкою изъ государства, вовсе не входящаго въ австрійскую имперію, онъ былъ бы цесарецъ; а съ другой, еслибы прибыли люди не съ коробками, но изъ за границы, съ той стороны откуда народъ привыкъ ожидать появленія цесарцевъ, то о такихъ людяхъ сказалибъ, что они пріѣхали изъ цесарщины.

Варяговъ, по извѣстіямъ лѣтописцевъ, было много родовъ: одни назывались русь, другіе свое, третьи урмяне, четвертые гѣте. Вѣроятно въ головѣ лѣтописца ихъ было и больше, да онъ не счелъ нужнымъ здѣсь всѣхъ пересчитывать, потому что привелъ ихъ единственно для того, чтобъ отличить отъ другихъ варяговъ тѣхъ изъ нихъ, которые назывались русь, дабы читающій зналъ, что русь не свое, не урмяне, не англяне, не готы и не что другое еще, а русь. Такимъ образомъ, смотря съ точки зрѣнія лѣтописца, никакъ нельзя искать приглашенныхъ къ славянамъ князей съ ихъ дружинами, ни у шведовъ, ни у норвежцевъ, ни у англоѣ, ни у готландцевъ, однимъ словомъ ни у кого, а надобно искать ихъ единственно въ народѣ, жившемъ на балтійскомъ побережьѣ, и называемомъ русь. Нельзя искать руси и у прибалтійскихъ славянъ, какъ думали нѣкоторые ученые, увлекаясь желаніемъ призвать оттуда своихъ князей по чувству единоплеменности. Лѣтописецъ зналъ прибалтійскихъ славянъ, именовалъ ихъ общимъ именемъ ляховъ, отличалъ ихъ отъ другихъ ляховъ, обозначая именемъ лутичей и поморянъ и, безъ сомнѣнія, не умолчалъ бы объ этомъ, еслибъ въ самомъ дѣлѣ новгородцы нашли себѣ тамъ владѣтелей. Что же касается до попытки находить ихъ у скандинавовъ, попытки, обратившейся въ канѣническое правило, то ни отрицая, ни принимая этаго какъ фактъ безотносительно къ источникамъ, мы должны прямо от-

вергнуть его, становясь на точку зрѣнія нашего лѣтописца, сказавшаго: «друзіи (варяги) зовутся свое, друзіи же урмяне, англяне, друзіи готе,» — *друзіи*, а не *ть*, которыхъ славяне и финны призывали; тѣ же, которыхъ они призывали, назывались русь. Чтобы доказывать, что славяне и финны призывали князей изъ Швеціи, Норвегіи или Дании, надобно отвергнуть сказаніе нашихъ лѣтописей о призывѣ князей и поискать гдѣ нибудь въ другихъ источникахъ извѣстій объ этомъ; но въ такомъ случаѣ, прійдется, можетъ быть, отвергнуть фактъ призыванія откуда-то бы ни было, потому что кромѣ нашихъ лѣтописей никто и не говоритъ о томъ, что русскіе народы призывали себѣ князей съ Балтійскаго побережья. Но слѣдуя за рассказомъ нашей лѣтописи въ точности, прійдется остановиться на словѣ русь, и поискать на балтійскомъ побережьи такого народа.

Отыскать его не мудрено. Русь дѣйствительно находилась на балтійскомъ поморьи въ низовьѣ рѣки Нѣмана, которое называется по-литовски Русь. На множествѣ картъ XVI, XVII и XVIII вѣка, можно найти эти названія. Такъ въ большомъ атласѣ Янсона, истокъ Нѣмана названъ Русь, а изъ тринадцати устьевъ его третье носитъ названіе Alt Russe, а шестое Russe sive Holm. Вообще Нѣманъ, по раздѣленіи своемъ на два рукава, перестаетъ называться Нѣманомъ: лѣвый называется Гильге, а правый Русь. Существовалъ городъ при устьѣ Руси, также съ этимъ именемъ. Встарину, сторона около праваго рукава и въ особенности на правомъ его берегу называлась Русью, и народъ руссами, или руссіенами. Приведемъ нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ.

1) Лѣтописецъ нѣмецкаго ордена Петръ Дюисбургскій, означая границы Пруссіи, говоритъ, что она граничитъ на востокъ съ землею русскою, поставляя эту землю за рѣкою Мемелемъ, по правую сторону этой рѣки. Что лѣтописецъ отнюдь не разумѣлъ здѣсь нашей русской земли, даже ошибкой, видимъ изъ того, что также онъ упоминаетъ о послѣдней, выводя изъ ней верховья Нѣмана, но отличаетъ ее на этотъ разъ правописаніемъ, въ другихъ случаяхъ смѣшивая его: нашу Русь онъ пишетъ Russia, а литовскую Ruschia, и говоритъ, что Мемель выходитъ изъ предѣловъ Russ'iu и впадаетъ въ море, отдѣляя Пруссію отъ Ruschi'и и Куроніи ⁽⁶⁾.

2) Тотъ же лѣтописецъ подъ 1283 годомъ рассказываетъ, что пришелъ въ Пруссію со всѣмъ своимъ домомъ русскій Судовитъ и

⁽⁶⁾ Terra Pruschiae pro terminis suis intra quos constituta est, habet Wiselam, Mare salsum, Memelam, terram Ruschiae, ducatum Masowiae et ducatum Dobrinensem. Memela est fluens aqua descendens de regno Russiae circa castrum et civitatem Memelburg intrans mare, ipsam Ruschiam, Lethowiam et Curoniam dividens etiam a Pruschia (стр. 68).

крестился (7). Судовіей впоследствии называлась часть прусской земли, лежавшая между Мазовецкимъ княжествомъ, Подляхіею и Литвою; но въ то время, когда крестоносцы еще не успѣли поработить всего прусскаго народа, значеніе этого слова въ географическомъ отношеніи было обширнѣе и неопредѣленнѣе: имъ означали вообще страну, лежавшую на востокъ отъ тѣхъ частей Пруссіи, которыя были уже покорены (8). Въ этомъ смыслѣ русскій литовець названъ Судовитомъ. Слово *Russigenus*, кажется, правильнѣе читать *Russienus*, оно указываетъ на городъ Россіены, существующій до сихъ поръ въ жмудской землѣ, которой частью была литовская Русь.

3) Тотъ же лѣтописецъ подъ 1322 г. рассказываетъ объ опустошеніи крестоносцами странъ, лежащихъ отъ захваченнаго ими края на востокъ. Рыцари опустошили Вайкену, на другой день разорили землю Русскую, а на слѣдующій день ворвались въ Ерогелу (9). Такъ какъ Ерогела (иначе Ейрогела, Еврогела и Евріегела) находится въ Жмуди, то Вайкены должно искать восточнѣе Самбіи и Натангіи, провинцій, откуда вышли тогда крестоносцы, и выше Салавіи, слѣдовательно въ углу къ морю, по лѣвую сторону Нѣмана на берегахъ Гильге; Руссія на востокъ отъ Вайкены явно указываетъ на берегу праваго рукава т. е. Руси, и тянется по правой сторонѣ его. Она была не широка, когда ее можно было пройти въ одинъ день.

4) Конечно, слѣдуетъ разумѣть ту же Русь литовскую и въ описаніи побѣга какого-то старѣйшины изъ Судавіи, по имени Скуманда, который, спасаясь отъ насильственнаго крещенія, убѣжалъ въ Руссію и потомъ воротился на родину (10). Такъ какъ подъ бокомъ у него существовала Русь языческая и единоплеменная, то убѣжавшій отъ крещенія язычникъ укрылся, безъ сомнѣнія, въ этой Руси, а не въ нашей, далекой, христіанской, и чуждой ему по языку и нравамъ; притомъ выраженіе, употребленное въ рассказѣ Петра Дюисбургскаго: «*cessit ad terram Russiae*» означаетъ близость пере-

---

(7) Hoc tempore quidam nobilis Sudovita dictus Russigenus cum omni domo et familia venit ad commendatorem de Balga et cum vellet interesse divinis, prohibitus fuit, cujus prohibitionis causa cognita baptizatus fuit cum omni familia sua (стр. 281).

(8) *Duisburg* 274, 296. *Gesch. Preuss.* Voigt 1, B. 498.

(9) Tempore hyemali intraverunt territorium Waykenam; rapinam et incendium tam castrum quam alia aedificia destruentes, tantam stragem fecerunt in populo illo, quod nec ibi mingens ad parietem superesset. Sequenti die intravit territorium Ruschigenam et tertia die territorium Erogelam et utrumque incendio molestant (стр. 393).

(10) Iste Scumandus potens fuit et dives in territorio Sudoviviae dicto Crasima et cum impugnationes continuas fratrum non posset sustinere, cessit de terra sua cum tota familia et amicis ad terram Russiae, in qua dum per tempus aliquod habitasset, fatigatus exilio rediit ad terram nativitatis suae. (стр. 286).

хода; слѣдовательно въ этомъ мѣстѣ нельзя подозрѣвать, чтобъ Скумандъ искалъ убѣжища гдѣ нибудь въ Россіи; напротивъ все достаточно ясно указываетъ, что здѣсь идетъ дѣло о Литовской Руси.

5) По поводу описанія взятія прусскаго города Рагниты лѣтописецъ Петръ привелъ преданіе о бывшей между Руссами и Скаловитами, ихъ сосѣдями, войнѣ, и о томъ какъ Руссы осаждали девять лѣтъ эту крѣпость ⁽¹¹⁾.

6) Въ описаніи Даніи у Адама Бременскаго восточная часть Пруссіи называлась Самбія или Самландъ и представлялась граничащею съ Русью и Польшею ⁽¹²⁾; и здѣсь ни въ какомъ случаѣ нельзя подозрѣвать нашей Руси, потому что Самбія никогда не граничила съ нею, слѣдовательно руссы, упоминаемые у Адама Бременскаго, безъ сомнѣнія литовскіе. Притомъ же Адамъ Бременскій жилъ въ половинѣ XI вѣка, когда названіе Руси не могло еще распространяться на все пространство нынѣшней Россіи. Это самое древнее свидѣтельство о литовской Руси; оно несомнительно доказываетъ, что имя Руси, столь извѣстное въ XIII и XIV вѣкѣ, давалось тѣмъ же краямъ и въ XI столѣтіи, и конечно ранѣе, когда совершилось призваніе нашихъ князей съ Балтійскаго побережья.

7) Въ извѣстіяхъ германскихъ лѣтописцевъ и біографовъ о епископѣ Бруно, жившемъ въ началѣ XI вѣка и въ 1006 г. посѣтившемъ св. Владиміра въ Кіевѣ, упоминается о Руси, подъ которой слѣдуетъ разумѣть Русь литовскую, а не нашу славянскую. Титмаръ говоритъ, что Бруно пострадалъ въ предѣлахъ Прусціи и Русціи ⁽¹³⁾. Но намъ извѣстно, что Пруссія тогда не соприкасалась съ нашей Русью, слѣдовательно св. Бруно не могъ положить головы за вѣру на границѣ этихъ странъ. Нельзя притомъ предположить въ Титмарѣ такую грубую географическую ошибку, когда онъ описываетъ современныя ему происшествія и притомъ относящіяся къ судьбѣ человека, который былъ его другомъ и товарищемъ. Изъ письма Бруно ⁽¹⁴⁾ мы знаемъ, что этотъ почтенный мужъ посѣщалъ Кіевъ,

---

⁽¹¹⁾ Scallovitae habebant unum castrum circa Raganitam in quodam monte, in cujus obsidione Rutheni (вмѣсто Russi, какъ Prutheni вмѣсто Prussi) cum magno exercito fuerunt IX annis, ante ingressum fratrum domûs Teutonicae in terram Pruschiae (Duisb. 264).

⁽¹²⁾ De situ Daniae C. 227.

⁽¹³⁾ Ad Pruciam pergens steriles hos agros semine divino studuit fecundare, sed spinis pulalantibus horrida non potuit facile molliri. Tunc in confinio praedictae regionis et Rusciae cum praedicaret, primo ab incolis prohibetur et plus evangelizans capitur, deindeque amore Christi, qui aeclesiae caput est, 16 Kalend. Martii mitis ut agnus decollatur. etc. (Pertz V. 834).

⁽¹⁴⁾ Русск. Бесѣда 1836. № 1.

былъ тамъ принятъ радушно и милостиво Владиміромъ святымъ, ходилъ отъ него къ Печенѣгамъ, гдѣ обратилъ до тридцати язычниковъ въ христіанство, и возвратившись въ Кіевъ, съ честію расстался съ Владиміромъ и оттуда поѣхалъ въ Польшу, а потомъ въ Пруссію, гдѣ и принялъ мученіе за истинную вѣру. Эти обстоятельства, при близкомъ знакомствѣ Титмара, какъ съ самимъ Бруно, такъ и съ положеніемъ Руси и Польши, не дозволяютъ считать простою ошибкою извѣстіе о сопредѣльности Руси и Пруссіи. То, что сказано у Титмара о Руси и Пруссіи, въ кведлинбургскихъ лѣтописяхъ отнесено къ Руси и Литвѣ: «Святой Бруно, нареченный (въ монашествѣ) Бонифацій, потерялъ голову въ предѣлахъ Русціи и Литвы»⁽¹⁵⁾. Здѣсь *Rusciae*, вѣроятно, описка вмѣсто *Prusciae*, а то что у Титмара названо *Rusciae*, здѣсь названо *Lituae*; что св. Бруно пострадалъ именно въ прусско-литовской странѣ, объ этомъ свидѣтельствуется извѣстіе его товарища Виберта, описывающаго такими подробностями смерть мученика: «Онъ епископъ и мученикъ Христовъ Брунъ, оставивши епископство съ довѣренною паствою, странствовалъ по Пруссіи съ священниками, обращая язычниковъ въ христіанскую вѣру. Ихъ же имена слѣдующія: Тіемикъ, Аикъ, Гезихъ, Апихъ и я Вибертъ»⁽¹⁶⁾. Далѣе разсказывается, что предъ королемъ этого края, по имени Нетимеромъ (*Nethimer*), епископъ, въ доказательство бессильности и безсмысленности идоловъ, бросилъ ихъ въ огонь, а Нетимеръ за то самихъ проповѣдниковъ приказалъ туда же бросить, но они не только не сгорѣли, а еще пѣли псалмы посреди пламени. Король, видя такое чудо, съ тремястами мужей своихъ принялъ крещеніе, а потомъ, по діавольскому наущенію, опять возвратился къ идолослуженію, и епископу приказалъ отрубить голову, священниковъ повѣсить, а самому автору этого разсказа выколоть глаза⁽¹⁷⁾. Подобный разсказъ находится въ житіи св. Ромуальда, но все что въ предыдущемъ относится къ прусскому князю, здѣсь отнесено къ русскому, или другими словами, князь въ предыдущемъ разсказѣ названный

⁽¹⁵⁾ Sanctus Bruno qui cognominatur Bonifacius archiepiscopus et monachus II suae conversionis anno in confinio Rusciae et Lituae a paganis capite plexus (Pertz. V. 80).

⁽¹⁶⁾ Ille etiam pontifex et martir Christi Brunus dimisso episcopatu una cum grege sibi credito cum suis capellanis ambulavit Prusciam ad convertendas paganorum gentes in christianitate sanctissima. Quarum nomina hae sunt: in primis dominus meus Brunus episcopus et martir Christi sanctissimus; nomina capellanorum qui cum eo ad martirium venerunt hae sunt: Tiemicus, Aicus, Hezichus, Apichus, novissime ego Wibertus. (Pertz. VI. 579).

⁽¹⁷⁾ Episcopi caput jussit abscidi et capellanos omnes jussit suspendi et meos oculos eruere fecit (ibid. 580).

прусскимъ, здѣсь называется русскимъ ⁽¹⁸⁾. Разсказъ въ жизни Ромуальда, написанный Петромъ Даміаномъ, гораздо пространнѣе, чѣмъ Вибертовъ, и отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что убійство проповѣдниковъ приписывается упорству королевскаго брата ⁽¹⁹⁾.

8) Это имя оставалось еще долго и впослѣдствіи; въ XV вѣкѣ Длугошъ, при исчисленіи частей собственной жмудской земли, называетъ одну изъ нихъ «Ruszena.»

9) Въ двухъ договорахъ Ягелла съ Орденомъ, изъ которыхъ одинъ былъ заключенъ въ 1422 ⁽²⁰⁾, другой въ 1436 году ⁽²¹⁾, въ исчисленіи границъ между владѣніями Ордена и Литвы упоминается рѣка Русна, тоже Русь.

10) Въ одной нѣмецкой лѣтописи ⁽²²⁾ подъ 1454 годомъ, рассказывая о войнѣ польскаго короля съ крестоносцами, повѣствователь называетъ послѣднихъ владѣтелями изъ Пруссіи и Руссіи и подвластную имъ, собранную на войну, силу народомъ и гражданами Пруссіи и Руссіи. Въ этомъ мѣстѣ конечно подъ Руссіею слѣдуетъ разумѣть литовскую Русь, а не нашу, потому что крестоносцы не владѣли землями населенными нашимъ русскимъ народомъ. ⁽²³⁾.

11) Неизвѣстный по имени нѣмецкій писатель подъ буквами F. R. отысканный Нарбутомъ ⁽²⁴⁾, котораго Ярошевичъ ⁽²⁵⁾ считаетъ продолженіемъ погибшаго Ротундуса, говоритъ о Руснѣ, какъ о торговомъ городѣ, гдѣ происходилъ торговый обмѣнъ между Литвою и Прусаками. Торговля древнихъ литовцевъ состояла изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, которые доставлялись изъ литовскихъ лѣсовъ въ Новгородъ и Кіевъ русскимъ, въ Русню прусакамъ, а въ Рей-

---

⁽¹⁸⁾ Cumque ad regem Russorum vir venerabilis pervenisset etc. (Pertz VI. 851).

⁽¹⁹⁾ Ibid.

⁽²⁰⁾ Въ договорѣ 1422 года, при означеніи границъ между владѣніями Ордена и Литвы говорится: dictum fluvium Jura ascendendo unum milliare, ab eo loco fluvius Jura deserendus est, et transeatur per solitudinem, relinquendo fluvios Memel alias Niemen et Russna, lacum, qui dicitur Happ et castrum Memel in Samogitico Glaupeda appellatum, undique, a sinistro latere per tria milliaria et sic transeundum est usque ad littus maris Salsi et hae sunt granicies terrae Samogitarum et Prussiae (Dog. IV. 111).

⁽²¹⁾ Въ договорѣ 1436 года также: et dictum fluvium Jura ascendendo unum milliare, ab eo loco Jura fluvius deserendus est, et transeatur per solitudinem relinquendo fluvios Memel et Russna lacum qui dicitur Happ et castrum Memel in Samogitico Clupeda appellatum (Dog. IV. 127.)

⁽²²⁾ Continuat. Claustro-neoburg quinta. Pertz. XI. 742.

⁽²³⁾ A. D. 1434 feria quarta post Michaelis rex Poloniae et domini de Prussia et Ruscia inierunt bellum et habuerunt conflictum insimul et communis populus et civitatenses de Prussia et Ruscia fuerunt in parte regis Poloniae etc.

⁽²⁴⁾ Tygodnik Wilenski roku 1817 Dz. naredu Lit. III 393.

⁽²⁵⁾ Obrazy Litwy. I. 108.

гардену мазурамъ. Когда, по завоеваніи Черной или Ятвязской Руси и части Бѣлой Руси княземъ литовскимъ Эрдвилломъ, сдѣлался доступнымъ для русскихъ сплавъ по Нѣману, то значительно поднялась хлѣбная торговля въ Ковнѣ и Руснѣ.

12) Въ одномъ спискѣ (XVI в.) житія св. Антонія Сійскаго сказано слѣдующее: «писано житіе Антонія Сійскаго многогрѣшнымъ Иваномъ, во второе по первомъ писатели колѣна Августова отъ племени варяжскаго, родомъ русина, близъ восточной страны, межъ предѣлъ словенскихъ, варяжскихъ и агорянскихъ (sic!), иже нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ». ⁽²⁶⁾ Эту приписку слѣдуетъ понимать такъ, что житіе списывалъ какой-то пришелецъ изъ литовской Руси — замѣчательно здѣсь то, что онъ себя называетъ отъ племени *варяжскаго*. Въ Руси нашей велось непрерывное преданіе, что варяги, приходшіе къ намъ съ Рюрикомъ, пришли съ береговъ Руси, — что касается словъ «отъ колѣна Августова», то это произошло отъ того, что въ XVI вѣкѣ образовалось школьное вѣрованіе, почерпнутое изъ сказаній, составленныхъ лѣтописцами предыдущихъ временъ, будто литовскій народъ ведетъ свое происхожденіе отъ Палемона, брата римскаго императора Августа. Это-то подало поводъ и царю Ивану Васильевичу Грозному гордиться своимъ происхожденіемъ отъ императора Августа — преданіе о томъ, что первые наши князья вышли изъ литовскаго племени, не прерывалось долго.

Всѣ приведенныя здѣсь свидѣтельства убѣждаютъ насъ 1) въ томъ, что названіе Руси, географія удерживала за правымъ рукавомъ рѣки Нѣмана; 2) что сторона по берегу этого рукава называлась Русью или Русіею, и народъ, обитавшій въ ней — руссами, или руссіеснами, иначе русью; 3) что этотъ народъ принадлежалъ къ литовскому племени. Мы имѣемъ на все это свидѣтельства изъ вѣковъ XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI. А какъ въ извѣстіи XII вѣка о событіяхъ IX в., то есть въ нашихъ лѣтописяхъ, встрѣчаемъ мы при исчисленіи народовъ, обитавшихъ на балтійскомъ или варяжскомъ побережьи, народъ подъ названіемъ *русь*, то естественно видѣть въ немъ тотъ же самый народъ, который на тѣхъ же мѣстахъ упоминается подъ тѣмъ же именемъ, въ другихъ источникахъ. Наши князья пришли съ Варяжскаго побережья изъ Руси. Народы прибалтійскіе перечислены въ нашей лѣтописи: свое, урмяне, англяне, готе, чудь, ляхове, корсь, зимегола; между ними, нельзя искать нашихъ варяговъ — руси, но сверхъ этихъ народовъ есть еще на варяжскомъ побережьѣ народъ *русь*. Тамъ наши варяги; другой же руси, кромѣ литовской, на балтійскомъ берегѣ не знаемъ, и если бы даже нашелся какой ни-

⁽²⁶⁾ Рукоп. Публ. Библ. Богосл. in. 8 № 22.

будь загадочный, двусмысленный Родслагенъ въ Швеціи, то намъ незачѣмъ отправляться туда за нашими князьями, послѣ того, какъ словомъ *друзи* намъ сказали, чтобъ мы тамъ ихъ не искали. — Равнымъ образомъ, нельзя отыскать ихъ и на островѣ Рюгенѣ, потому что жившіе тамъ славяне у нашего лѣтописца очевидно причислены къ поморянамъ; притомъ въ именахъ лицъ, пришедшихъ къ намъ изъ за моря, въ числѣ призванныхъ ляховъ, при самыхъ крайнихъ натяжкахъ, не возможно отыскать ничего славянскаго. Въ тождествѣ лѣтописной руси съ русью литовскою удостовѣряетъ насъ еще и слѣдующее: въ нашихъ лѣтописяхъ, не дается общаго названія всему литовскому племени, но исчисляются вѣтви: пруси, зимегола, корсь, сѣтьгола (летгала), литва; но одного изъ племенъ нѣтъ; это жмуди. Вѣроятно въ лѣтописяхъ нашихъ ее слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «русь», ибо русь литовская составляла въ этнографическомъ отношеніи часть жмуди.

Изъ всего сказаннаго видно, что славяне, новгородцы, кривичи, чудь, меря и весь, призвали къ себѣ изъ жителей прибалтійскаго побережья (варяговъ) русь-литовскую (жмудь, жившую на берегахъ рѣки Руси).

Для повѣрки этого вывода у насъ есть имена князей, пословъ Олега и Игоря и нѣкоторыя другія слова, заимствованныя изъ языка того народа, который прибылъ къ намъ съ князьями. Какъ ни испорчены изъ нихъ многія (а порча ихъ доказывается неодинакостью способа написанія въ различныхъ лѣтописныхъ спискахъ), но въ большей части, литовское происхожденіе явно, безъ всякихъ натяжекъ, высказывается само собою.

Игорь, Иггивладъ, Игелдъ, = имена упоминаемыя въ нашихъ лѣтописяхъ, — корень литовскій *ig* значитъ: далеко; глаголь *igiu*, *igiti* значитъ стремиться; то же значеніе имѣетъ глаголь, *gogojū*, *goroti*, *iggogojū*, *iggoroti*, стремиться въ даль; *iggogas*, — дѣйствительное причастіе отъ глагола *iggogojū*; *iggiwlados* значитъ стремящійся къ власти (отъ *waldau*, *waldyti*).

Олегъ, Ольга. = Что корень этихъ именъ литовскій, доказываетъ имя Ольгердъ, и названіе рѣки Олегъ въ ятвязской землѣ, упоминаемое на 86 страницѣ Ипатьевскаго списка галицко-волынскій лѣтописи. Корень его, быть можетъ, заключается или въ словѣ *ilgis* длинный, или въ словѣ *alga* награда.

Улѣбъ = отъ *ulu* кричу или *ulbojū* то же значеніе; — это имя можетъ выговариваться и Улебъ и Улибъ. Если оно было Улебъ, то происходило отъ *ulebas* дѣйств. прич. отъ глагола *ulbojū*, а если Улибъ, то могло быть *ulibas*, прилагательное на *ybas* обыкновенное

окончаніе въ литовскомъ языкѣ: напр. ankstybas, ранній, преждевременный; walibas благосклонный.

Прастѣнъ = лит. Prastenis, незначительный, простой, простонародный.

Алданъ, — оконч. nas обыкновенное въ литовскомъ языкѣ, какъ для существительныхъ, такъ и прилагательныхъ напр. stonas, состояніе, alkanas голодный, waldanas обладатель, gaudanas багряный. Что такое «ald» не знаю, но что этотъ корень существовалъ въ литовскомъ языкѣ, показываетъ имя Альдона, которымъ называлась дочь Гедимины, жена Казимира великаго. Быть можетъ Aldona правильнѣе было «Waldona» и тогда Алданъ могъ быть waldonas, при постоянномъ замѣнѣни буквы а, буквою о, и на оборотъ, тоже что Waldanas.

Гуды = gudus скупой, старинная форма gudis; а можетъ быть guddas, что означало славянина, преимущественно русскаго.

Кари, = можетъ быть karis: обвислый, болѣзненный, отъ karu, karti повѣсить, а можетъ быть отъ karaju karauti воюю, воевать: karas война, kareis и kareiwis воинъ.

Каршевъ (притяжат.) = karsztis жаръ, karszis жаркій.

Сфирка = отъ swigu тяготѣть существительное swigrikas — вѣштель, иносказ. рѣшитель судьбы.

Берновъ (притяжат.) = Bernas отрокъ, молодецъ.

Турбернъ отъ turru, turreti получить, обладать — и Bernas.

Утинъ. = Что значить — не знаю, но литовское происхожденіе этого слова, видно въ имени Utines, Утинесь, въ литовской исторіи.

Стегистоновъ (прит.) = есть безъ сомнѣнія литовское отъ steggis упрямый и stonas состояніе; steggistonas значить упрямство.

Мутуръ = по литовски muturis брачный покровъ, вещь священная въ литовской мифологіи.

Моны = monju очаровываю, monis значить очарователь.

Тилена = отъ tyleti молчать, tylenas молчаливый.

Турдуви = turtuwis обладатель отъ глагола turreti, получать, обладать.

Слуды — латышскій глаголъ sluddinaht указываетъ на литовское происхожденіе этого слова.

Явтягъ = по націи Ятвягъ.

Аминодъ = отъ тупоју или mindau, попирать ногами (въ смыслѣ военномъ), здѣсь корень и имени Миндога, извѣтнаго литовскаго короля въ XIII вѣкѣ.

Рогнѣдъ = литовское происхожденіе этого имени указываетъ наименованіемъ города на берегу Нѣмана — Рагнитъ.

Синеусъ = senejus, старина, старость.

Рюрикъ = отъ rju пожираю, терзаю и rikus князь.

Глѣбъ = отъ hlebju ласкаю, hlebos милый.

Гридь = greitis, gritis скорый. Гридь значитъ тоже самое что приспѣшникъ.

Изгой = слово литовское отъ глагола goju или guju = гоню; iszgoju = изгоняю; iszgoitas или iszguitas = изгнанникъ.

Въ русскихъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, отличаемыхъ у Константина Порфиророднаго отъ славянскихъ, скорѣе можно видѣть литовское происхожденіе, чѣмъ скандинавское, какъ хотѣлъ Лербергъ. — Константинъ Порфирородный говоритъ, что одинъ изъ пороговъ назывался по русски Айфаръ, а по славянски Неясыть; Aithwagos, значитъ по литовски морскую птицу, а неясыть по славянски значитъ великана. Другой порогъ, по русски названъ *Леанти*, а по славянски Верутце: по Верутце, по общему признанію ученыхъ, есть вручій, то есть кяучій; leanti же по литовски есть женское причастіе отъ глагола lipu лью и значитъ *льющая воду*; одно и тоже значеніе и въ русскомъ (литовскомъ), и въ славянскомъ, какъ значится у Константина Порфиророднаго.

Имена боговъ, поставленныхъ Владиміромъ въ Кіевѣ на холмѣ литовскія: Перунъ = Perkunas; Хорсъ = Коршъ богъ войны, какъ-то видно изъ надписи на литовскомъ знамени, о чемъ говорится въ хроникѣ Луки Давида, взявшаго свои извѣстія изъ хроники перваго прусскаго епископа Христіана, отъ глагола: karaiu, karauti. Мокошь литовское слово Mokius знаніе, ученье. Литовское происхожденіе названія божества Симарглы или Симареглы является въ словахъ zeme земля и gekiu примѣчаю, проникаю.

Эти сходства подтверждаютъ выводъ, что упоминаемая въ нашихъ лѣтописяхъ варяги — русь пришли изъ литовской Руси.

Но варяги — русь представляется мореходнымъ народомъ. Слѣдуетъ разсмотрѣть, были ли знакомы съ мореплаваніемъ приморскіе народы литовскаго племени въ то время?

Были. Объ этомъ ясно свидѣтельствуется Адамъ Бременскій, говоря, что приморскіе жители Пруссіи плавали по Балтійскому морю, спасали претерпѣвавшихъ кораблекрушенія, и защищали мореходцевъ отъ пиратовъ⁽²⁷⁾. На древность знакомства литовскаго племени съ моремъ указываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) существованіе у нихъ морскихъ божествъ, покровительствующихъ мореходству; ⁽²⁸⁾ 2) существованіе въ литовскомъ языкѣ самобытныхъ

⁽²⁷⁾ Obviam tendunt ad auxiliandum his qui in mari pereclitantur, vel qui a piratis infestantur. De situ Daniae 227.

⁽²⁸⁾ Lucas David Chron. 116

словъ, относящихся до плаванія по морю, ⁽²⁹⁾ 3) очень частое упоминаніе моря и плаванія по морю въ народныхъ пѣсняхъ.

Прибавимъ къ этому и топографическія особенности той землицы при устьѣ Нѣмана, которая называлась Русью. Эта низменная полоса, изрѣзанная протоками, нерѣдко, при вѣтрѣ съ моря, вся понимается водою, такъ что и теперь жители села Руси строятъ на столбахъ свои домики, имѣютъ для домашнихъ животныхъ въ родѣ деревянныхъ садковъ, которые во время внезапнаго наводненія могутъ вмѣстѣ съ животными подняться на поверхность воды, и сами люди держатъ наготовѣ лодки. Всѣ они съ малыхъ лѣтъ приучаются управлять веслами: вода ихъ стихія; и потому они лучшіе матросы на прусскихъ судахъ. Само собою разумѣется, что и въ старину были такія же условія и жившіе въ этихъ поемныхъ мѣстахъ литовцы непременно были отличные плователи.

Теперь возникаетъ еще слѣдующій вопросъ: варяги, которые брали съ славянъ и финскихъ народовъ дань и были изгнаны, тѣ ли самые, которыхъ впоследствии призвали?

Нѣтъ; не тѣ. Напротивъ, изъ слѣченія сѣверныхъ извѣстій между собою и съ нашими лѣтописями открывається, что прежніе варяги были норманны изъ Швеціи, что они брали дань не только съ славянъ и финскихъ народовъ, но и съ литовскихъ приморцевъ, и были изгнаны въ половинѣ IX столѣтія.

Въ Олафовой Сагѣ говорится, что старій Торгній рассказывалъ, что во время Эрика-Эдмунсона шведы владѣли Финляндіей, Кореліей, Эстоніей, Курляндіей, и странами на востокъ оттуда лежащими, но потеряли тамъ владычество, оставя по себѣ единственно памятники въ высокихъ холмахъ и земляныхъ насыпяхъ и другихъ остаткахъ ихъ могущества ⁽³⁰⁾.

Такъ какъ это рассказывалъ въ началѣ XI вѣка человекъ старій, о событіяхъ переданныхъ дѣдомъ его отцу, долго жившему, то съ

⁽²⁹⁾ Eldjedide = большое судно; stekas = мачта; katas = якорь; irtojas = мореходецъ; irajas = кормчій; dungas = корабельное дно; irktas = весло.

⁽³⁰⁾ Thorgnius locutus est: Aliud est nunc regum Svioniae ingenium, atque olim fuit. Thorgnius, avus meus paternus recordatus est memoriam Eiriki Emundi filii, regis Upsaliensis, et hoc de eo retulit, solitum fuisse, dum in viridissimo esset flore aetatis, evocatis quavis aestate copiis expeditionem in varias terras facere, et Finnam, Kirialos, Estoniam, Curlandiam multasque partis orientis subegisse, et etiamnum cernere licet terrenas illas arces aliaque amplissima monumenta, quae facienda curavit. Въ другомъ изданіи (Снорро Стурлезона) subjecisse Finlandiam, Kyrialam (Kareliam), Esthoniā atque Curlandiam nec non plures latae ad orientem regiones, ubi etiamnum cernere licet ungestas ex cespite aggeres aliaque fortiter ibi et praeclare ab eo gestarum rerum monumenta.... (См. Antiquités Russes I. 316. Extrait de la Heimskingla. Изд. Снорро Стурлезона: Saga a Olafi Hinom Helga. 104).

вѣроятностію открывається, что потеря шведами власти надъ сѣверо-западомъ нынѣшней Россіи приходится къ половинѣ IX вѣка, именно къ тому времени, когда въ нашихъ лѣтописяхъ указывается изгнаніе варяговъ. Наши лѣтописцы не указываютъ года, а предъ извѣстіемъ объ изгнаніи стоитъ нѣсколько годовъ. Изгнаніе варяговъ, конечно, и не могло совершиться разомъ, но довольно для насъ того, что оно совершилось въ половинѣ IX вѣка. Около того же времени, рассказывается въ житіи св. Ансхарія, написанномъ Ринбертомъ въ IX вѣкѣ⁽³¹⁾, что скандинавы потеряли власть свою надъ корами (сигонес, корсь нашихъ лѣтописцевъ) народомъ литовскаго племени, ближайшими сосѣдями литовской руси. Жизнеописатель св. Ансхарія говоритъ, что коры зависѣли прежде отъ шведовъ, но возмущившись, свергли съ себя это иго⁽³²⁾.

Въ послѣдствіи, однако, скандинавы не оставляли ихъ въ покоѣ, и датчане вторгнулись къ корамъ, но послѣдніе такъ ихъ отдѣлали, что и корабли у нихъ отняли, и серебра и золота набрали⁽³³⁾.

Такъ какъ въ одно и тоже время, свергли съ себя одно иго скандинавовъ — и литовскіе народы, и славянскіе, и финскіе, то отсюда уясняется самый поводъ призванія славянами и чудскими народами себѣ князей отъ приморскихъ литовцевъ. Ихъ соединила взаимная вражда къ скандинавамъ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ не безъ смысла повѣствованіе о русской землѣ, въ значеніи государственнаго тѣла, начинается именно съ изгнанія варяговъ. Дѣйствительно, это изгнаніе, какъ показываетъ ходъ обстоятельствъ, было эпохою, соединившею разрозненные народы. Безъ него совсѣмъ не было бы и призванія; при столь ограниченномъ развитіи гражданственности, союзъ народовъ кажется анахронизмомъ, и если онъ возможенъ до извѣстной степени, то не иначе, какъ только вслѣдствіе сильнаго чужеземнаго натиска; только тогда пробужденныя силы отдѣльныхъ народовъ ищутъ взаимнодѣйствія, потому что у нихъ является взаимное дѣло.

По этому-то въ извѣстіяхъ о потерѣ скандинавами власти надъ народами сѣверо-западной Россіи въ IX вѣкѣ открывається средство

⁽³¹⁾ Iochel. Gehlert Lexic. III. 20,005.

⁽³²⁾ Gens enim quaedam longe ab eis (отъ норманновъ шведскихъ) posita vocata Chori sueonum principatui olim subjecta fuerat, sed iam tunc diu erat, quod rebellando eis subjici dedignabuntur (Acta Sanctor. Februar. I. Vita sanct. Anshar. c. XIII).

⁽³³⁾ Populi itaque inibi manentes cognito eorum adventa conglobati in unum coepere viriliter resistere et sua defendere dataque sibi victoria medietate populi Danorum caede prostrata media quoque navium eorum diripuerunt auro et argento spoliisque multis ab eis acceptis (ibid).

къ уразумѣнію нашего лѣтописнаго сказанія. Дѣйствительно, норманны играли въ исторіи роль закладки нашего государственнаго тѣла, но роль отрицательную: они напали на славянскія и финскія племена, стали ими владѣть, и тягостію чужеземной власти пробудили въ нихъ спящія силы. Взаимное бѣдствіе образовало между ними взаимность. Самъ собою возникъ между ними союзъ, безъ предварительнаго плана составить его, такъ, какъ составляется иногда связь между тѣми, которыхъ сближаетъ общая опасность, общее дѣло, подобно тому, какъ народы Кавказа, разрозненные между собою, сблизилсь и дѣйствовали въ формѣ союза противъ насъ. Изгнавши пришельцевъ, народы русскаго материка естественно не могли сохранить этого союза сами собою: у каждаго были свои интересы; при томъ же, какъ открывается впоследствии, чудскіе народы не были въ равномъ отношеніи къ славянамъ; по крайней мѣрѣ впоследствии, со стороны славянъ мы видимъ стремленіе подчинить ихъ себѣ, и слѣвать данниками. Уже послѣ призванія первыхъ нашихъ князей, отчасти изъ лѣтописей нашихъ, а еще болѣе изъ ливонскихъ видно, что съ одной стороны повгородцы, а съ другой кривичи владѣли, или по крайней мѣрѣ стремились владѣть чудью, жившею въ пынѣшной Ливоніи; тамъ являются уже удѣльные князья, считавшіе своими волостями земли, населенныя финскимъ племенемъ.

Конечно эти князья удерживали въ повиновеніи туземцевъ только посредствомъ славянскихъ дружинъ, которыя приводили съ собою. Въ послѣдствіи, когда крестоносцы завоевывали и крестили Ливонію, покорительная сила столкнулась съ русскою властью; русскіе, оспаривая свое право, вступили въ заклѣтую вражду съ нѣмцами, и помогали даже язычникамъ; за то отъ нѣмцевъ получали они нареканія въ противодѣйствіи и враждебности къ христіанской вѣрѣ.

Многое заставляеть подозрѣвать, что въ IX вѣкѣ и весь и меря, народы финскаго происхожденія, участвовали, вмѣстѣ съ славянами, новгородцами и кривичами, въ призваніи русскихъ князей только по имени; въ самомъ же дѣлѣ, на нихъ уже тогда легла власть славянъ. Несомнѣнно то, что въ ихъ земляхъ жили славяне; это показываютъ названія городовъ, которые были главами этихъ земель; Бѣлоозеро и Ростовъ, названія славянскія; конечно, если бы тамъ не было славянъ, этихъ названій не существовало бы. Да и построены они были славянами. Въ тѣ времена городъ продолжалъ называться такимъ именемъ, какимъ прозванъ сначала, даже и тогда, когда переходилъ во власть иного народа; за доказательствами ходить не далеко, большая часть старыхъ городовъ средней и восточной Россіи до сихъ поръ съ неславянскими названіями, сама первопрестольная Москва носитъ не славянское имя, въ укоръ тѣмъ, которые хотятъ

сдѣлать ее историческимъ центромъ славянскаго единства. Если же въ земляхъ веси и мери города носили славянскія названія, были построены славянами, и во времена призванія князей ими населены, то ужь безъ сомнѣнія эти славяне были господствующимъ народомъ надъ финскими народами, точно также какъ славяне играютъ ту же роль въ продолженіи вѣковъ до нашего времени, живучи вообще между племенемъ чудскимъ; и эти то славяне собственно призывали князей, да и къ самому призванію, между другими поводами, вѣроятно побуждала ихъ необходимость удержанія въ повиновеніи подвластныхъ инородцевъ. Доказательствомъ ранняго распространенія славянскаго племени въ этихъ странахъ, служитъ скорое образованіе тамъ отдѣльныхъ княжествъ, явное присутствіе многочисленнаго славянскаго народонаселенія, равно и то, что въ ростовско-суздальскомъ краѣ туземная народность исчезла рано. Образованіе русскаго княжества въ странѣ, обитаемой исключительно чудскимъ, или какимъ бы то ни было чуждымъ народонаселеніемъ, безъ достаточной славянской колонизаціи, которая бы составляла силу господствующую, было бы совершенно невозможно; и дѣйствительно, тамъ гдѣ славянская колонизація была незначительна, удалена отъ сплошной славянской народности, тамъ не могли существовать княжества; такъ отдаленная Тмутаракань скоро выбыла изъ власти русскихъ земель; повгородско — чудскія области постоянно находились подъ властію Новгорода и слѣдовательно подъ господствомъ славянскаго элемента, однако княжества тамъ не образовывались, между тѣмъ какъ Псковъ съ его сплошнымъ славянскимъ населеніемъ, составлявшій прежде съ своей областію часть новгородской страны, скоро показалъ начала самобытности. Чудскіе народы, коль скоро между ними не было достаточнаго славянскаго элемента, управлялись сами собою, и держались въ повиновеніи славянамъ страхомъ пришествія вооруженной силы и образовавшеюся впоследствии времени привычкою платить дань. Веси, меря, и сопредѣльная послѣдней мурома, появившись на первой страницѣ нашихъ лѣтописей, почти не показываютъ потомъ самобытнаго существованія. Еслибы эти народцы не были издревле слишкомъ подавлены русско-славянскимъ населеніемъ, то гдѣ нибудь, и какъ нибудь проявили бы противодѣйствіе; и, конечно, лѣтописцы хотя бы вкратцѣ намекнули объ этомъ. Тоже дѣлалось и съ чудью. Г. Соловьевъ⁽³⁴⁾ полагаетъ, что подъ чудью, которая участвуетъ въ призваніи варяго-руссомъ, надобно разумѣть водь, жившую въ странѣ, называвшейся впоследствии Водской Пятиной;

(34) Истор. Росс. Т I. прим. 151.

но вѣтвь сѣверо-финскаго племени, такъ называвшаяся, всегда въ нашихъ лѣтописяхъ носитъ именно это, а не другое какое нибудь названіе. Сознаніе о единоплеменности между собою разнообразныхъ народовъ финскихъ на русскомъ материкѣ, у русскихъ славянъ въ древнія времена не достигло еще до образованія общаго для цѣлаго племени имени. Только мы теперь можемъ давать имъ ученныя названія: финское племя, чудское племя; въ древности славяне не дошли до той степени знакомства съ этими народностями. Чудью назывались финскіе народы, жившіе около чудскаго озера, и даже въ Ливоніи; была еще другая чудь заволодская, названная такъ, вѣроятно, по сходству, какое замѣчали славяне между ею и чудью ливонскою; но когда въ старину говорилось о другихъ народахъ того же племени: ни корела, ни водь, ни весь, ни мордва, нигдѣ не называются чудью. А потому, принимая слово чудь въ томъ смыслѣ, какой ему давали въ свое время русскіе, правдоподобнѣе будетъ видѣть въ чуди, призвавшей вмѣстѣ съ славянами руссовъ, не водь, гдѣ, вѣроятно и тогда, какъ постоянно въ послѣдствіи, господствовавшей надъ финскою народностью славянскій элементъ не показывалъ никакого стремленія къ отдѣльному отъ Новгорода существованію, и о которомъ по этому лѣтописецъ не упомянулъ, довольствуясь тѣмъ, что сказалъ о новгородскихъ славянахъ, включивъ въ число ихъ и тѣхъ изъ нихъ, которые проживали въ водской странѣ. Здѣсь разумѣется ливонская чудская страна, и собственно только часть ея, прилегавшая къ чудскому озеру и къ Пскову, и уже подвластная славянамъ; Изборскъ былъ ея главнымъ городомъ, какъ надъ всею Бѣлоозеро, надъ мерею Ростовъ. Еслибы чудь эта жила глубоко въ Ливоніи, то прибывшіе князья утвердили бы тамъ свою власть; напротивъ, мы видимъ, что славянскій элементъ, торжествуя въ псковской области и полоцкой землѣ, подвигался впослѣдствіи уже въ чудскую землю на западъ, какъ въ страну еще имъ не занятую, и мало по малу захватывалъ тамъ перевѣсъ, пока не столкнулся съ нѣмецкими пришельцами. Не слѣдуетъ соблазняться тѣмъ, что лѣтописецъ называетъ чудскія племена, когда говоритъ о призваніи союзниками варяжскихъ князей. Извѣстно, что географическія названія переживаютъ не только независимость народовъ, которые сообщили эти имена своей родинѣ, но даже самое существованіе тѣхъ народовъ. Весь, меря и находившаяся подъ господствомъ Изборска чудь, были покорны славянамъ, слѣдовательно, составляли съ ними въ географическомъ отношеніи цѣлое. Вѣдь и въ наше время Сибирь слово не русское, а еслибы пришлось сказать: «Сибирь этого хочетъ», то разумѣлось бы при этомъ выраженіи русское населеніе, а не туземные народы,

уступившіе первенство въ своей землѣ пришлому славянскому элементу; тоже можно бы сказать объ Астрахани или о Крымѣ, — названія татарскія, и татары живутъ въ краяхъ, которые эти названія до сихъ поръ носятъ, а самобытности не имѣютъ, и древнее географическое имя ихъ земли сдѣлалось достояніемъ другаго народа, одержавшаго верхъ и господство. Призывавшіе варяговъ-русь народы были всѣ на-голо славяне: этимъ отстраняются неразрѣшимые вопросы: какъ могли появляться въ союзѣ разноязычныя племена, тогда какъ впоследствии мы не видимъ отношеній равноправности между ними, напротивъ, одно постоянно играетъ роль господствующаго, а другое находится или въ зависимости, или въ безуспѣшномъ сопротивленіи.

Связь съ Новгородомъ славянскихъ племенъ, поселившихся между весью, мерею и чудью была, напротивъ, тѣмъ естественнѣе и тѣмъ необходимѣе, что каждая изъ славянскихъ колоній, кромѣ того что нуждалась во взаимномъ охраненіи своей независимости отъ норманновъ, еще, какъ выше замѣчено, должна была держаться противъ чудскихъ племенъ, живучи въ иноплеменномъ краю. Какіе именно кривичи участвовали въ союзѣ, призвавшемъ варяго-русовъ, указываетъ ясно лѣтопись, говоря, что Рюрикъ посадилъ свои мужи въ Полтескѣ; слѣдовательно, кривичи эти были жители береговъ Двины и Полоти, которыхъ главнымъ городомъ, центромъ окольныхъ селъ и деревень былъ Полоцкъ. Трудно рѣшить, участвовали ли другія вѣтви этого обширнаго славянскаго племени. Очень можетъ быть, что и смольнянъ также должно считать съ полочанами въ числѣ кривичей, вступившихъ въ союзъ, потому что смольняне какъ-то слишкомъ скоро и легко покорились Олегу; впрочемъ, это остается еще вопросомъ нерѣшеннымъ. Если взаимное противодѣйствіе норманнамъ сблизило нашихъ восточныхъ славянъ съ литовскими племенами, и было важнымъ поводомъ къ призыву оттуда князей, то былъ еще другой поводъ — это религіозное уваженіе, которымъ пользовался прусскій край на языческомъ сѣверѣ; не только литовскіе народы, но и чужеплеменники посылали за совѣтами въ Ромово, этотъ прусско-литовскій Римъ, гдѣ жилъ язычскій папа, криве. Что славяне, по сосѣдству, не были не знакомы съ этимъ центромъ богопочитанія и гадательства — показываетъ самое названіе кривичей, названіе, которое нѣкоторыхъ мудрыхъ міра сего побуждало даже сомнѣваться въ ихъ славянскомъ происхожденіи. Названіе *кривичи*, заставляетъ думать, что оно имъ оттого дано, что они принадлежали къ области криве, по его духовному управленію; ничего не можетъ быть естественнѣе, если отъ литовцевъ и латышей, жившихъ по сосѣдству съ этою вѣтвью славянъ

перешло къ послѣднимъ прусское богопочитаніе; и тогда кривичи, будучи въ союзѣ съ новгородцами и другими вѣтвями славянъ, по поводу возникшей неурядицы и неумѣнья управляться между собою, подали мысль послать въ Пруссію за совѣтами, а послѣ и за князьями этими третейскими судьями, которые призваны были уладить домашніе безпорядки славянъ. На подобное дѣлаетъ намекъ Іоакимовская лѣтопись; въ какомъ бы испорченномъ, непервоначальномъ видѣ ни дошла она до насъ, но, конечно, не выдумана Татищевымъ или кѣмъ нибудь въ его время, когда извѣстія сообщаемыя сю есть въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, и попались къ Герберштейну. Тамъ разсказывается, что старѣйшина новгородскій Гостомысль, подъ предводительствомъ котораго славяне изгнали варяговъ, бравшихъ съ нихъ дань, печалился о томъ, что у него нѣтъ сыновей (они были убиты въ сраженіи), а только три дочери, и потому онъ по смерти не могъ упрочить наслѣдства въ своемъ родѣ; какой-то вѣщунъ сказалъ ему, что отъ его племени будетъ наслѣдникъ; но Гостомысль былъ уже старъ, онъ не повѣрилъ этому, и отправилъ пословъ въ Зимеголу спрашивать тамошнихъ вѣщунговъ; тѣ предрекли ему тоже. Между тѣмъ, ему приснился сонъ, будто изъ утробы средней дочери его Умилы вырастаетъ огромное дерево, осѣняетъ землю, и множество людей насыщаются отъ его плодовъ. Вѣщунны истолковали ему, что сыновья этой дочери наслѣдуютъ землю. Такое истолкованіе многимъ понравилось, потому что у его старшей дочери былъ сынъ, котораго не любили, и не хотѣли, чтобы онъ былъ правителемъ. Умила была за русскимъ княземъ. Гостомысль пригласилъ въ Новгородъ старшинъ, отъ кривичей, чуди, веси, мери (и по Іоакимовской лѣтописи изъ руси и дреговичей). Тогда, по вліянію Гостомыслову, призвали изъ руси Рюрика и двухъ его братьевъ съ родомъ ихъ.

Повторяемъ: въ какомъ бы переименованномъ видѣ ни дошли до насъ эти указанія, но основа ихъ совершенно правдоподобна. Здѣсь очень вѣроятно, что Гостомысль отправлялъ пословъ къ вѣщунамъ въ Зимеголу, то есть въ литовскій край, который, издавна и до позднѣйшихъ временъ, въ понятіяхъ нашего народа представлялся мѣстомъ колдуновъ и гадателей. Очень вѣроятно, что призваніе князей изъ Руси, литовской земли, совершилось 1) по причинѣ связи, въ которой тогда были наши сѣверные славяне съ приморскими литовцами, по изгнаніи взаимныхъ враговъ, 2) по указанію тамошнихъ жрецовъ и гадателей, славившихся на сѣверѣ своимъ искусствомъ.

Изъ смысла нашихъ лѣтописей вытекаетъ, что число варяговъ—русси, пришедшихъ съ Рюрикомъ, было велико. Лѣтопись положи-

тельно говоритъ, что князья *поша по себѣ всю Русь*, изъ чего видно, что между славянами впоследствии существовало преданіе, что съ призваніемъ князей перешли всѣ иноплеменники, находившіеся у нихъ подъ властію. Это очень правдоподобно, когда вспомнимъ, что по описанію Петра Дюисбургскаго, вся страна литовская, носившая названіе Руси, была такъ мала, что крестоносцы могли пройти ее въ одинъ день. Топографическое качество этой поймы не представляло условій для постоянной осѣдлости однихъ и тѣхъ же поселенцевъ изъ рода въ родъ: она легко могла быть покидаема и также легко занимаема снова другими. Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что люди новгородскіе стали отъ рода варяжскаго, а прежде были славяне: это указываетъ, что въ самомъ Новгородѣ поселилось тогда значительное число пришельцевъ, и быть можетъ перевѣсу литовскаго племени между жителями слѣдуетъ приписать то упорное сопротивленіе при крещеніи, на которое указывается въ нѣкоторыхъ вариантахъ нашихъ лѣтописей, когда Добрыня долженъ былъ прибѣгать къ насилію. Литовцы, какъ извѣстно, держались упорнѣе, чѣмъ славяне, язычества, развитаго у нихъ полнѣе, чѣмъ у славянъ. Существованіе Прусской улицы даже до позднѣйшихъ временъ, кажется остаткомъ древняго господства литовской народности въ городѣ. Многочисленность литовскихъ пришельцевъ доказывается значительнымъ ихъ количествомъ, перешедшимъ потомъ въ Кіевъ, какъ то показываютъ имена въ договорахъ первыхъ нашихъ князей съ греками, гдѣ такъ мало славянскихъ. Эти обстоятельства подтверждаютъ достовѣрность факта, что изъ литовской Руси перешли всѣ жители, которые, какъ показываетъ ихъ поведеніе впоследствии, были не столько народъ, сколько толпа мореходцевъ-пиратовъ. Вся эта, чуждая русскимъ славянамъ, толпа скоро усвоила славянскій языкъ, славянскій образъ жизни, скоро распустилась въ господствующемъ народонаселеніи, разсталась съ преданіями своей родины, оставя о ней смутныя воспоминанія, но не дорожа ими какъ святынею, точно также, какъ подобное литовское племя съ Гедиминомъ и Ольгердомъ покорило Бѣлоруссію и Украину, и скоро слилось съ тамошнимъ народонаселеніемъ, забывъ всѣ преданія своей прежней родины, передавъ подчиненнымъ народамъ только свое прежнее имя. Аналогія между тѣмъ, что произошло съ восточными славянами въ IX вѣкѣ, и тѣмъ, что произошло къ XIV вѣкѣ съ западною Русью, поразительна. Изъ литовской Руси выходятъ князья съ дружинами въ широкую землю восточныхъ славянъ, покоряютъ разрозненные народы, употребляя при томъ силу одного противъ другаго, сажаютъ по городамъ, вмѣсто прежнихъ старѣйшинъ, свою родню, основываютъ такимъ образомъ державу, состоящую изъ от-

дѣльныхъ частей, связанныхъ между собою единствомъ княжескаго рода, съ залогами политическаго единодержавія въ будущемъ, которое провидится заранѣе въ стремленіи князей сначала къ старшинству, а потомъ къ распространенію предѣловъ своихъ владѣній, даютъ этой державѣ имя прежняго своего отечества, но не вносятъ въ нее почти ничего изъ того быта, откуда это имя занесено, и сами быстро оставляютъ свою народность, свои прежнія преданія, усваиваютъ языкъ, обычаи народа, среди котораго поселились. Изъ княжества языческой Литвы выходятъ князья съ дружинами въ широкую землю западной и южной Руси, шагъ за шагомъ подчиняютъ себѣ русскія княжества и земли, употребляя при этомъ силу одного противъ другаго, сажаятъ по городамъ вмѣсто прежнихъ князей свою родню, основываютъ новую державу, даютъ ей имя прежняго своего отечества, но также почти ничего не вносятъ изъ того быта, откуда это имя занесено, и сами быстро оставляютъ свою народность, усваиваютъ языкъ и обычаи народа, среди котораго поселились. Разница только та, что удѣльная держава князей гедиминова дома скорѣе пришла къ единодержавію, чѣмъ держава рюриковичей: тутъ пособили сосѣди, и связь съ Польшею; да сверхъ того память о литовскомъ происхожденіи осталась живѣе и сильнѣе, — это потому, что Литва сосѣдила съ Бѣлорусью, а пришедшіе въ IX вѣкѣ изъ Руси должны были переплыть море. Литва сама вошла въ составъ образованной ею славянской державы, которой сообщила свое имя, а Русь, откуда прибылъ Рюрикъ, осталась внѣ предѣловъ той земли, которая наслѣдовала ея имя. Никто не можетъ сказать, чтобъ въ XIV и XV вѣкахъ литовцевъ перешло мало въ Бѣлую Русь, на Воынь, въ Украйну: одно обиліе литовскихъ фамилій ясно показываетъ противное. Но изъ этихъ фамилій многія черезъ два поколѣнія уже и не знали о своемъ родѣ, а другія хотя и знали, но не соединяли съ этимъ воспоминаніемъ ничего національнаго; для нихъ славяно-русская земля стала отечествомъ, также, какъ потомъ для многихъ изъ нихъ славяно-польская, но ни въ томъ, ни другомъ случаѣ не литовская; даже тѣ, которыхъ судьба удержала на мѣстѣ жительства своихъ предковъ, и тѣ легко отдавались славянскимъ народностямъ, сначала русской, потомъ польской. Эта легкость, удобоподатливость литовской народности совершенно объясняетъ, почему пришельцы, появившіеся между славянами въ IX вѣкѣ, такъ скоро потеряли слѣды своего первобытнаго существованія, потеряли до того, что самое происхожденіе ихъ облеклось впослѣдствіи мракомъ и сдѣлалось предметомъ споровъ и догадокъ. Совсѣмъ другое было бы съ норманнами, еслибъ наши пришельцы были ими. Нѣмецкое племя уступало только народностямъ, гораздо болѣе своей образованнымъ,

что и случилось въ Италиі, во Франціи; въ Британіи, гдѣ образованность бриттовъ не до такой степени усвоила внесенныя Римомъ начала, какъ въ Галліи, оно успѣло утвердить надъ ихъ народностью свое господство въ лицѣ англо-саксовъ, хотя бритты были образованнѣе пришельцевъ. Славянскія племена въ Россіи, безъ сомнѣнія, должны были бы выдержать ту же борьбу, въ какой не устояли и пали ихъ прибалтійскіе братья, въ какой едва держатся на ногахъ до сихъ поръ ихъ западные соплеменники, а мы ничего подобнаго не видимъ и слѣда.

Мнѣніе о происхожденіи съ береговъ Руси нашихъ князей и пришедшихъ съ ними жителей русской державы не новость. Въ XVI вѣкѣ писалось (въ Степенной книгѣ), что «Рюрикъ приде отъ варягъ въ Великъ Новгородъ со двѣма братома своима и съ роды своима, иже бѣ отъ племени Прусова» (35). Во многихъ нашихъ хронографахъ, находящихся въ нашихъ книгохранилищахъ, говорится единогласно, что князья пришли изъ прусской страны (36). Откуда же явилось это? Не думаю, чтобы отъ того, что царямъ нашимъ вздумалось производить себя отъ Августа. Напротивъ, вѣроятно, что сказка о происхожденіи рюрикова дома отъ Августа явилась вслѣдствіе западныхъ выдумокъ о происхожденіи литовскаго племени отъ римской колоніи, а у насъ для прославленія царскаго дома воспользовались ею, придравшись къ тому, что уже прежде почитали прародителей царскихъ вышедшими изъ такого народа, который мудрецы стали производить отъ римлянъ. Я подозреваю, не возникла ли самая баснь о происхожденіи отъ Августа случайно отъ созвучія съ именемъ римскаго императора литовскихъ именъ Айгустъ (37) и женскаго Айгуста (38).

Ломоносовъ, своимъ простымъ и зоркимъ взглядомъ, прямо напалъ на мысль, искать нашей прародительской Руси въ этихъ странахъ и сказалъ, что варяги-россы съ древними пруссами произошли отъ одного поколѣнія (39); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ссылался на извѣстный ему списокъ «Новгородской Лѣтописи», гдѣ Рюрикъ производится отъ пруссовъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Ломоносовъ справедливо указалъ на названіе рѣки Русь. Но ложный патріотизмъ не далъ ему кончить своего вывода безпристрастно и справедливо: производя нашихъ князей съ береговъ Руси, онъ возвелъ ихъ въ славянъ, и съ его легкой руки въ XIX вѣкѣ расплодился разнородныя

(35) Изслѣдов. Погод. Т. II. 179.

(36) Папр. Погод. древлехран. № 143.

(37) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. III. 62.

(38) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII. 204.

(39) Древняя Росс. Ист. с. 43.

мнѣнія о славянствѣ варяговъ-руси, основанныя на догадкахъ и натяжкахъ, буквально противорѣчащихъ смыслу нашихъ лѣтописей. Всѣ эти попытки не имѣютъ чисто ученаго характера и не выдержатъ критики; не желаніе исторической безпристрастной истины руководило изыскателями: нѣтъ, какъ патріархъ ихъ, Ломоносовъ, скрывалъ подъ ученою одеждою своихъ изслѣдованій тайное желаніе поддержать честь своего отечества; такъ и имъ казалось оскорбительно, если основатели нашей державы были не славяне. Прежде чѣмъ доходили до результата, они уже рѣшали заранѣе, что князьямъ слѣдуетъ быть славянами.

Если нельзя не укорять нашихъ славянистовъ въ недостаткѣ безпристрастнаго приступа къ дѣлу, то столь же не безпристрастны были попытки выводить Рюрика и его братьевъ изъ Скандинавіи. Это выдумали ученые нѣмцы. Извѣстно, что у насъ нѣмцы, отъ мала до велика, и ученые и неученые, болѣе или менѣе исполнены вѣрованія о превосходствѣ своей породы предъ славянскою, и думаютъ, что, живучи среди насъ, ихъ задача разливать свѣтъ цивилизаціи между нами, варварами; для подтвержденія этой задушевной мысли, ученые нѣмцы выдумали призваніе князей изъ Скандинавіи; этимъ хотятъ указать, что славяне не способны, безъ вліянія нѣмецкаго элемента, къ устройству государственной и гражданской жизни. Одинъ изъ позднѣйшихъ борцовъ скандинавизма, почтенный и ученый г. Куникъ, въ книгѣ своей «О призваніи Шведскихъ Россовъ», высказалъ, что имъ руководило не одно желаніе разрѣшить вопросъ сообразно исторической дѣйствительности, но также и показать, какъ варяжскій вопросъ связанъ съ позднѣйшею русскою исторіею и долженъ быть разрѣшенъ, дабы достойно оцѣнить факты позднѣйшіе и уразумѣть необходимость явленія Петра Великаго, который пришелъ къ тому же сознанію о состояніи Россіи, какъ и новгородцы въ IX вѣкѣ, и вмѣстѣ понялъ, что для истиннаго прогресса и возрожденія государственнаго быта славянскій человѣкъ долженъ вмѣстѣ съ нимъ подвергнуться извѣстному (какому? на нѣмецкій ладъ и складъ!) измѣненію ⁽⁴⁰⁾. Такъ одинъ изъ добросовѣстныхъ нѣмецкихъ дѣятелей по русской исторіи не могъ освободиться отъ пристрастія къ своей національности, такъ же точно, какъ нашъ великій Ломоносовъ подчинялся предразсудкамъ своей. Между тѣмъ стремленіе заставить насъ признать ничтожность собственныхъ нравственныхъ силъ предъ нѣмецкими такъ велико, что тотъ же г. Куникъ всѣхъ, кто дерзнетъ сомнѣваться въ скандинавскомъ происхожденіи Рюрика, называетъ не

⁽⁴⁰⁾ Die Beruf. des schwed. Rods. II, IV.

только полуобразованными, но укоряетъ ихъ, что они сознательно враждебны классическому образованію и противятся реформѣ Петра Великаго ⁽⁴¹⁾.

Въ чемъ же состоятъ главныя доказательства мнимаго происхожденія руси отъ норманновъ?

Говорятъ намъ, что финскіе народы называютъ шведовъ—руотсаляйентъ, и такъ какъ въ числѣ народовъ, призвавшихъ варяговъ, были финны, то значитъ подъ именемъ варяговъ призваны были шведы, а славяне отъ нихъ заимствовали это имя, и послѣ пришествія шведовъ, измѣнивъ его въ Русь, стали называть себя такимъ образомъ. Поляне, близъ которыхъ, сколько извѣстно, не было финновъ, называли себя преимущественно Русью, называли себя именемъ шведовъ, употребительнымъ только у финновъ! Не все ли это равно, еслибъ на томъ основаніи, что литовцы называютъ насъ *guddas*, такимъ именемъ назвали бы себя грузины, потому что русскіе пришли въ ихъ отечество?

Еще говорятъ, что въ IX вѣкѣ, императору Людовику Благочестивому императоръ византійскій Θεοφάνης послалъ какихъ-то бродягъ, называвшихъ себя россами, но императоръ Людовикъ, по тщательному изслѣдованію (*diligentius investigans*), открылъ, что эти люди были шведы и почелъ ихъ поэтому шпионами (*exploratores potius regni illius nostrique, quam amittitiae petitores*): изъ этого явствуетъ, что россы—шведы! ⁽⁴²⁾ Ну, еслибы гдѣ нибудь въ Бугурусланскомъ уѣздѣ становой приставъ поймалъ бродягу и спрашивалъ его: откуда ты? Бродяга отвѣчаетъ: Иванъ съ Волги! Но становой этимъ не довольствуется, принимаетъ дѣятельныя мѣры (*diligentius investigans*) и открываетъ, что онъ изъ Воронежа. Достаточное основаніе для гг. ученыхъ написать: «Воронежъ городъ на рѣкѣ Волгѣ!»

Еще говорятъ, что въ первой половинѣ X вѣка, Лютпрандъ кремонскій епископъ, упомянувъ о походѣ Игоря на грековъ съ руссами, говоритъ, что послѣдніе были народъ, который греки по качеству тѣла называютъ руссами, а они (западники) норманнами, отъ мѣстоположенія ихъ отечества (*Gens quaedam est sub aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant Russos, nos vero a positione loci Nordmannos vocamus. Lingua quippe Teutonum Nord—aquilo, man autem mas seu vir dicitur, unde et Nordmannos aqui-*

⁽⁴¹⁾ ...Sonstige Halbgebildete so wohl mehr oder minder bewusste Feinde der zur Humanität führenden klassischen Bildung — des unumgänglich nothwendigen Fundaments für die Geisteskultur eines jeden Volkes als auch Widersacher und Bejammerer der Reformen des grossen Peters von jeher waren. Ibid II, XVI.

⁽⁴²⁾ Изслѣд. Погод. II. 34.

lonares homines dicere possumus) (43). Епископъ объяснилъ, что этихъ людей можно называть нордманнами по мѣстоположенію, потому что они сѣверные люди (aquilonares homines), но вовсе не думалъ словомъ нордманнъ означать принадлежность руссовъ какойнибудь народности. Если слово нордманны у него значитъ не болѣе, какъ вообще люди, живущіе въ странахъ сѣверныхъ, то это мѣсто равно не показываетъ, какого племени руссы и гдѣ живутъ. Мало ли народовъ на сѣверѣ отъ Италіи; всѣ они такимъ образомъ сѣверные народы (aquilonares homines), и руссы въ ихъ числѣ, и не руссы. Да и притомъ, какъ же полагаться на такое свидѣтельство, которое показываетъ слишкомъ большой недостатокъ въ знакомствѣ писателя съ предметомъ? Какъ же это отъ качества тѣла насъ прозвали руссами греки, когда намъ извѣстно, что это названіе ни въ какомъ случаѣ мы не заимствовали отъ грековъ?

Говорятъ еще, что нѣкоторыя собственныя имена звучатъ по-нормандски. Не считаемъ нужнымъ утомлять читателей выписками ихъ здѣсь; любопытные могутъ обратиться сами къ книгѣ г. Купика и ко второму тому «Изслѣдованій» г. Погодина. Сравнивъ созвучіе этихъ именъ съ скандинавскими, съ тѣмъ сходствомъ, какое представляютъ они съ словами литовскаго языка, само собою откроется, гдѣ натяжки. Замѣтимъ только, что и знаменитый Бравалинъ, сдѣлавшій набѣгъ на Тавриду, былъ толкуемъ на основаніи созвучій скандинавомъ, а въ самомъ дѣлѣ оказывается, что этого собственнаго имени не существовало, и въ житіи Стефана Суражскаго значитъ не князь Бравалинъ, а князь бранливъ и силенъ.

Послѣ всего этого вѣрно читатель спроситъ, какъ же согласить со всѣмъ этимъ извѣстія о Руси восточныхъ писателей?

Восточные писатели отличаются тѣмъ, что собирая извѣстія своихъ предшественниковъ, громоздятъ ихъ безъ различія времени, и оттого у нихъ попадаются древнія названія перемѣшанныя съ позднѣйшими, и это сдѣлалось съ именемъ Руси. Въ большей части арабскихъ писателей подъ Русью слѣдуетъ разумѣть уже образовавшуюся Русскую нашу державу и всѣ эти извѣстія къ дѣлу не идутъ, — даромъ что это названіе является еще Богъ вѣсть въ какую старину! У нихъ и старое называется по новому и новое по старому. Притомъ же въ добавокъ все переплетено баснями, такъ что нѣтъ возможности отличить ложь отъ правды. — Важнѣе другихъ по относительной древности для насъ извѣстія Ибнъ-Фодзлана, Ибнъ-Хаукала и Массуди, потому что эти путешественники жили въ X вѣкѣ, слѣдовательно въ томъ вѣкѣ, когда было еще свѣжо событіе основанія русской державы. —

(43) Изслѣд. Погод. II. 59.

Дѣло въ томъ, что собственно у нихъ нѣтъ постоянной *Руси*, а есть буквы Р и С куда (по вкусу) вставляются и О, и А, и У, а чаще А, и это значитъ рѣку Расъ, или Росъ, или Русъ, и по ней называются тѣмъ же именемъ народы, живущіе на берегу этой рѣки. По мѣстоположенію видно, что эта рѣка Волга въ ея низовьяхъ. Мордва до сихъ поръ зоветъ Волгу на своемъ языкѣ Равъ и Расъ. Слѣдовательно арабы узнали тутъ не болѣе, какъ мордовское имя Волги. Какіе жъ это были народы, которыхъ путешественники видѣли подъ именемъ расовъ или русовъ? У Ибнъ-Хаукала это объясняется: у него русовъ три племени; одни недалеко отъ Болгаръ, царь ихъ живетъ въ городѣ Гунабѣ, другое Джелабе, у Эдризидина Салавія, третье Эрза или Арза; эта тройственность русскихъ племенъ повторяется у многихъ писателей съ разными видоизмѣненіями созвучій, у всѣхъ являются то Арза, то Эрзанія, то Эрза. Что это мордва — нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что и теперь одно изъ двухъ существующихъ мордовскихъ племенъ такъ называется (Эрзя); что до другихъ племенъ русскихъ, у арабскихъ писателей упоминаемыхъ, то помѣщеніе ихъ было предметомъ многихъ остроумныхъ догадокъ. Русское племя, котораго царь живетъ въ Гунабѣ, было гдѣ нибудь около Эрзи, это видно изъ того, что мѣсто жительства его помѣщаютъ не далеко отъ Болгаръ, и оно также не славянское, и не норманское, а вѣроятно тоже мордовское, или вообще финско-турскаго происхожденія. Г. Булыгинъ находилъ слѣды третьяго племени, Джелабе, въ географическихъ мѣстностяхъ Оренбургскаго края. Съ насъ уже довольно и того, что рассказываемое о руссахъ арабами скорѣе можетъ относиться къ мордовскому народу, чѣмъ къ славянскому или норманскому, какъ многіе толковали. Ибнъ-Фодзланъ, видѣвшій руссовъ въ Итилѣ, при устьи Волги, говоритъ, что они приходятъ съ верху по рѣкѣ. Изъ одного мѣста нашихъ лѣтописей видно, что какое-то мордовское племя называлось русью; именно подъ 1222 г. говорится: «Побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половцы, и изби Мордву всю и Русь Пургасову, и Пургасъ утече вмаѣ»⁽⁴⁴⁾. — Описаніе руссовъ видѣнныхъ Ибнъ-Фодзланомъ въ Итилѣ сильно указываетъ на мордву. По всему видно, что у восточныхъ путешественниковъ, познакомившихся съ какою-то русью на Волгѣ, не говорится о нашей руси. Это — эрзя, мордва, и еще можетъ быть черемиса....

Затѣйливый рассказъ Ибнъ-Фодзлана годится болѣе для исторической этнографіи финскихъ народовъ, чѣмъ для славяно-русской. Кажется, туда же надобно присоединить и знаменитые походы на каспійское побережье. Здѣсь случайное сходство словъ, и собствен-

⁽⁴⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. VI. 135.

ныхъ именъ съ буквами Р и С. Такимъ образомъ можно отыскать Русь повсюду на земномъ шарѣ. Это намъ превосходно доказали гг. Морошкинъ, Максимовичъ и Савельевъ-Ростиславичъ.

Должно согласиться съ мнѣніемъ г. Куника и прочихъ гг. ученыхъ нѣмцевъ, что славяне мало способны къ закладкамъ государствъ, въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ являлись государства на востокѣ, и съ тѣми признаками, съ какими привыкли понимать государственную жизнь на западѣ; должно согласиться, что для устройства государства славянамъ необходимо было вліяніе чуждыхъ элементовъ, — все это дѣйствительно подтверждается опытомъ послѣдующей исторіи, когда вліяніе византійское и татарское способствовало къ образованію московскаго государства, а преобразование его въ имперію совершилось подъ вліяніемъ нѣмецкимъ; но гдѣ же это государство послѣ прибытія варяговъ? Его нѣтъ; — не споримъ, что оно можетъ быть и было бы, если бы въ самомъ дѣлѣ нами овладѣли норманны, но эти сосѣди въ X и XI вѣкахъ являются только наемными дружинами, а ранѣе—въ IX, они, правда, завоевали было сѣверную Россію, да имъ не удалось основать въ ней ничего прочнаго, и никакой памяти они въ потомствѣ неоставили, кромѣ короткаго извѣстія лѣтописца:

ИЗГНАША ВАРЯГИ ЗА МОРЕ И НЕ ДАША ИМЪ ДАНИ!

gc
K-72